

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ В СИБИРИ

И Н Заборцев

В детстве Алёнка была за старшую после матери, всё хозяйство она вела худо-бедно. А в хозяйстве были и коровёнка, и овцы, и за малыши ребятами надо было присмотреть.

В 1908 году (двенадцати лет от роду) она ездила с отцом на лодке на Сенной остров, что стоял против деревни, там у них был покос. Оставалось немного сгрести копен, а то, не дай Бог, пойдут дожди – останешься без сена. Вот и позвал отец Алёнку на подмогу

Стребли, сметали, получился небольшой зарод, да припозднились и пришлось переночевать у зарода. А назавтра утром ещё кое-что подгребли. Когда солнце подсушило траву, стали собираться домой. Отец – на корме, Алёнка – в гребях. Не доехали до своего берега метров сто, Гавриил схватился за правую щёку, как от ожога. Глянул вверх, а там – второе солнце: катилось оно быстро, под сиверную сторону. И только причалили к берегу, так громыхнуло, подумали, светопреставление. В некоторых домах лопнули стёкла. Впоследствии они уже узнали от учёного мужика [Л.А. Кулик], который проезжал через Кежму, что пролетел и упал метеорит, севернее Кежмы километров триста-триста пятьдесят

Шестнадцатилетней Алёну выдали замуж. Николаю тогда было девятнадцать лет. Молодые любили друг друга. На поля ли, на рыбалку ли ездили чаще всего вместе. В первый или во второй год замужества Алёна с Николаем поехали ставить самоловы на красную рыбу (стерлядь). Якоря были обвязаны корягами. В тот раз получилось, чуть не утонул Николай: бросая якорь, зацепился за него рубахой и вместе с якорем пошёл ко дну. Что пережила Алёна за то время, пока его не было и он не появился на поверхности... Рубаха прочная, холщовая, скоро не порвать, и стал Николай задыхаться, как он опосля рассказывал. Однако родился он под счастливой звездой – как-то ему удалось отцепиться.

Второй раз ему ещё горше досталось. Пошёл с родственником, Александром Ивановичем, на охоту. Алёна отвозила их на вьючных лошадях до зимовья. Обрато ехала одна, привязав лошадей уздами за хвост впереди идущей лошади. На обратной дороге было какое-то странное предчувствие, подозрительно закололо сердце, но она не придавала значения, а беда случилась страшная. Нет, не с ней. Алёна доехала домой нормально, а вот Николай с Александром чуть не погибли.

На охоте случилось вот что. Пробыли они там до поздней осени, собаки начали вязнуть в снегу, пора было возвращаться домой, а до дому – не близкий путь. Накануне они сходили ещё на охоту, добыли по две-три белки. Пришли в зимовьё, стали собираться домой. Завтра чуть свет надо выходить. Наступили уже холода. Александр затопил печку, поставил на неё ведро с маслом: надо было растопить, вымыть, что осталось, домой унести.

Николай стал считать шкурки белок, соболей, освещая берёзовой лучиной. И надо же такому случиться, что маленький уголёк с треском упал в то место, где был охотничий провиант. И тут так бабахнуло, что они не успели ничего сообразить. С зимовья слетел потолок, а их выбросило на снег. Через некоторое время очнулись.

– Александр! Ты живой? – окликнул Николай, услышав невдалеке стон.

– Николай, что делать будем? Замёрзнем.

Дело аховое: обгорели мужики, сил не было, и боль мучила. Подползли друг к другу – всё же умирать вместе легче. Собак позвали к себе – всё потеплее. Рассветало.

Глянул Николай на Александра и не узнал его: лицо распухло, глаз не видать – одни щелочки. У Николая так же, к тому же Николай сожгёт спину: был он ближе к пороху, где бабахнул взрыв, вот ему и досталось боле. Стали советоваться, что делать даде. Решили: гнать собак от себя, чтобы бежали домой, а там сразу поймут, что с ними что-то случилось, если собаки вышли из лесу без охотников, тогда и подмога подоспеет. Но собаки не оставляли хозяев одних, упирались, не шли, а только выли. Помучились так до обеда, кое-как начали двигаться. Знали, что в двух-трёх километрах от зимовья шла санная дорога, по которой ангарские мужики ездили в Оскобу и Ванавару.

Поползли они к этой дороге, может, кто и подвезёт, если встретится, а нет, значит, такой наш век. Ближе к вечеру доползли до дороги. Тихо в лесу, только сучья трещат от мороза. Всё тело ныло, горело, видно, поднялась температура. Хватали снег обожжёнными губами, чтобы унять жар.

– Что ж, Николай, прощай! Что было плохого, не вспоминай.

– Что ты, Александр, держись, всё равно кто-то проедет.

И тут услышали скрип санных полозьев – в морозном воздухе далеко слышно. Подождали. Стихло. Наверное, померещилось. Через некоторое время из-за поворота показалась первая лошадь, запряжённая в кошёвку, за ней ещё несколько везли поклажу на санях. Поравнялись с нашими мужиками. Те взмолились:

– Дядя, будь милосерд, отвези нас в Кежму.

Глянул обозчик: лежат два тунгуса на снегу, глаза – щёлки, лица распухшие, обгорелые.

– Вы кто? – спрашивает – Тунгусы?

– Кежемские мы. Я – Николай Турухановых, а он – Александр Костиных.

На этом потеряли сознание. Заволок мужик их на сани и скорее погнал в Кежму. Привезли их чуть живых. Началась борьба за жизнь мужиков.

***

В этот год урожай выдался на славу. Убирали всем миром – от мала до велика. Ребята постарше кидали снопы на гумно. Мы, не разгибая спины, жали серпами пшеницу. Овёс убрали раньше. Семён Андреевич, глава семьи, был доволен.

– Нынче мы с хлебом, – говорил он, садясь за ужин.

Семья была большая, одних только взрослых – десять человек, да ребятишек тоже около десятка. Невестки кухарили по очереди. Больше любили, когда была неделя Алёны.

Семён Андреевич обратился к сыновьям:

Вот уберём всё с поля, начнём строиться. Тебе, Николай, и Василий, надо строить дома. Гаврил, ты как? Здесь остаёшься или всё-таки собираешься в Туру?

– Поеду, отец, в Туру. Подзаработаю деньжонок, потом и строиться буду.

– Нет, негоже так, сыновья. Кто семьями будет строить дома, лошадёнки останутся с нами.

Всю зиму заготавливали лес, вывозили на лошадях – Кургане и Пегашке. Остальных лошадей – Копейку, Мухомора, Гнедко – занимали в других хозяйствах: надо воды привезти, дров, навоз вывезти из конюшен. Всю зиму работали с радостью, чтобы заготовить лес для строительства. Рубить стали уже на следующую зиму. В ноябре сыновья Семёна Андреевича вышли из лесу, где были на охоте и хорошо добыли пушнины.

Семён Андреевич засобирался в Канск: сдавать добычу. Путь не близкий – на лошадях без малого 800 километров, но не впервой это было. Каждую зиму, как сыновья выходили из лесу с пушниной, он ездил в город, а ближе не было скупщиков этого товара. Накладно это было: расстояние немалое, да и отдавали за бесценнок. А что делать? Всё же какой-никакой доход.

На вырученные деньги покупали инвентарь для хозяйства, да и надо сахарку, конфеток, соль, спички купить, да мало ли в семье какая нужда имелась. Опять же и наряды к праздникам Христовым надо. Из города Семён Андреевич всегда привозил всем, без исключения, подарки: бабам – платки или материю на платье, невесток не обижал, а ребяткам сладости вёз. Встречали его всей семьёй, высыпав на улицу: кто лошадей распрягал, кто из саней поклажу выносил – для всех дело было.

Вечером за ужином Николай, старший сын, похвастал:

– А мы, батя, сруб срубили, завтра будем ставить стропила. Думаю, за эту зиму один дом будет готов. Никанор уже сделал косяки и рамы.

Так за три зимы мы поставили дома. Всем хотелось поскорее отселиться, уж больно тесно было в отцовском доме. Сыновья и их жены хотели жить самостоятельно, своим хозяйством. Предварительно уже разделили коров, лошадей, овец. Николаю досталась одна корова Чернуха да кобыла Копейка. Рад был Николай: Копейка приносила здоровых жеребят

Василий выбрал себе Кургана – ломовую лошадь. А Гавриил отказался от всего, всё собирался уехать из дому. Как ни бился отец с ним, ничего не мог сделать. Гавриил забрал свою жену Агафью и укатил ещё дальше на север – на Нижнюю Тунгуску

В мае 1929 года Алёна, жена Николая (мои родители), родила ещё одного малыша (Ивана, меня то есть). Ребёнок был больной, ночи напролёт изводился криком. Приходила бабушка Аграфена, наговор делала, водой окропляла, говорила. «Лихоманка на нём».

Думали, что Богу душу отдаст. Бог дал, Бог взял. Однако малец выжил, наперекор всему

В тот год стали поговаривать о коллективизации. Правда, толком никто не знал, что это такое. По слухам, всех соберут под одну крышу и людей, и скот, весь скарб. Тревожно на душе стало у сельчан. Размеренная, налаженная столетиями жизнь кончается. Что будет? Что ждёт? У кого не было за душой ничего, живущих одним днём, по пословице: «Бог даёт день, Бог даёт пищу», – да те, у кого здоровье не блестяще для работы, а детей в семье, как в садке мочёнов, тем было всё равно. А середнякам больно было расставаться с годами нажитым добром.

Семён Андреевич по натуре был общительным мужчиной. Он и на гармошке играл на гулянках по праздникам, был членом продкооператива, созданного при сельском сходе. И побалагурить, и посмеяться любил. Однажды с ним приключилась вот такая оказия. Будучи в Канске, шёл он поздним вечером по улице. А в то время было не спокойно, шалил всякий сброд, грабили, были случаи, и убивали за понюшку табака. Идёт, значит, он по тёмной улице Канска, а навстречу – три образины и к Семёну Андреевичу

– Давай выкладывай, что у тебя в карманах.

Скумекал Семён Андреевич, что дело – дрянь. Деньги за проданную пушнину были при себе. Но быстро у него созрел план. В одном кармане полушубка у него лежал замёрзший полкалачик. Недолго думая, выхватывает он его и, как револьвер, наставляет на бандитов.

– Пристрелю, гады!

А в темноте-то не разобрать, что у него в руке. Те и дали тягу. Долго мы вспоминали в семье этот случай.

***

К 30-му году семейные дома уже были готовы. Все были рады. Алёна и Ефросинья, невестки старших братьев Николая и Василия, загадывали к весне, в мае, когда потеплеет, переходить в новый дом. Но не суждено было сбыться их мечтам.

Как-то в начале марта Семёна Андреевича вызвал к себе председатель РИКа Г Рубцов. Забеспокоились в семье: по какому поводу вызывают, вроде, ничего плохого не делали. Семья была трудолюбивая, трезвая, разве по рюмке-две выпивали в праздники, но, чтобы напиваться до чёртиков, – никогда! Никогда не буянили, жили тихо, воды не замутят «Почему вызывают?» – запричитали бабы. Глава семьи иногда был и крут

– Хватит причитать! Советская власть народ свой не даёт в обиду Живём не за счет других: что есть, всё заработано своими руками. Вот они, мозоли-то, не сходят с рук.

И отправился он в РИК. Не так далёк путь до центра села, однако много передумал он. Как сиротой взяли его к себе бездетные Культочины, жил в их семье, как сын родной. Но не родные есть неродные. Пришёл он к ним уже смышлёным парнишкой и не мог забыть родную мать, которая ушла из жизни рано, оставив на свете двоих малышей. Брата Никиту забрали в Заимке, где они жили с родителями. Его же увезли за сорок километров, в большое село Кежда. Вспомнил, как женился на Насте, как невзлюбили приёмные родители Настёну, особенно сама Культочиха. Всё понукала. там не так сделала, здесь не то поставила. А однажды уехал Сенька за сеном на Большой остров, к вечеру возвращается. Обычно его встречала в ограде Настя с первенцем Николкой, а тут не вышла. Заколотилось сердце у молодого мужика. Забегает домой:

– Где Настя?

Из кути голос хозяйки:

– Ушла к своим, насовсем.

Быстро сбросил сено с саней, взял за рога корову и лошадь, которые были приданым Насте, и уехал к тестю. Так и прожил в этом доме многие годы. Настя родила шестерых сыновей и дочь. Когда дети были малы, бедствовали, а подросли ребята – из года в год стали поправлять хозяйство. Работали от зари до зари, и к тридцатому году семья не знала нужды.

И ещё вспомнилось ему, как в 20-м году карательный отряд под командованием есаула продвигался по Енисею и Ангаре к Иркутску. Основные силы Колчака отступали по магистрали. Были отряды, которые бежали от красных водным путём. В Кежду они прибыли днём и начали искать коммунистов и сочувствующих им. Нашёлся среди жителей и наводчик – пустой мужичонка Миша, по кличке Шалекин. Он приводил белогвардейцев в те дома, где имелось оружие. Пришли и к Семёну Андреевичу

– Показывай, где хранишь оружие?

– Вот, висят на стене, на виду

– Ты мне зубы не заговаривай! Где винтовка?

– Какая винтовка? Вот всё, с этими берданками мы на охоту ходим.

Перерыли всё в доме. Но, если нет, так что найдёшь.

Однако забрали Семёна Андреевича и старшего сына Николая, увели к церкви, где белогвардейцы чинили расправу плетьюми, на концах которых вплетены были металлические гайки. Избили до полусмерти обоих: отца и сына, спины были кровавыми, живого места не осталось. Провалились они до заморозков. Лечили их маслом да травами. Зажило, но рубцы остались до самой смерти. Вот и размышлял по дороге Семён Андреевич, что не должны с ним и его семьёй плохого сделать.

Сбил снег с ног у крыльца, зашёл в избу Председатель РИКа был человеком душевным. Много он повидал на своём веку, знал и нужду, сам батрачил на богатеев. Но в этой глухомани видел он, что здесь люди другие, чем в центральных районах. Вечная борьба с суровым климатом не озлобила их, они были душевнее, добрее, помогали друг другу. Знал председатель РИКа, что раскулачивать здесь, в вверенной ему местности, почти некого. Но он был ставленником бедняков, а среди них были горлохваты на чужое добро. Вот и не мог он ничего сделать по совести. Сверху давили: «Давай план!».

– Зачем вызывали?

- Знаешь ли, Семён Андреевич, тебя раскулачивают.
  - Что я – богатея какой, эксплуататор? Работаем только сами, своей семьёй. Продыху не даю сыновьям и невесткам. За что?!
  - Бедняки так постановили.
  - Председатель взглянул сочувственно в глаза посетителю.
  - Куда бы ты хотел переехать с семьёй?
  - Да что же такое! Неужели обязательно переезжать? Примите в колхоз!
  - Нельзя. Ты считаешься не бедняком.
  - Ну, тогда у меня есть пашня на Большом острове Там и домик есть. Будем жить.
  - Нет Тот остров, и всё, что на нём есть, – хозяйство колхоза. Давай, собирайся!
- В апреле – последний срок.

***

Нагрянет беда – не знаешь бежать куда. В марте 30-го года описали всё имущество, дома сыновей, родительский дом – всё перешло государству Инвентарь, лошадей, коров и всю остальную живность передали колхозу «Красный пахарь». Месяц жили не дома, а в людях. Оставили одежку да из хозяйства по мелочи, чтобы обосноваться на новом месте.

В один из апрельских дней на лошадях Семёна Андреевича, которые ему уже не принадлежали, повезли их вниз по Ангаре за 70 километров в небольшое стойбище, где был всего один барак да небольшой огород под картошку и овощи. Таких кулаков было там ещё три семьи.

В добрые времена ехать по Ангаре в апреле – одно удовольствие. Солнце пригревает, санные дороги покрыты ледком, лошади без труда везут любую тяжёлую поклажу А теперь не до радости – едут в неизвестность.

Днём стало припекать, на дороге образовались лужи. Ребятишки сидят в плетёных коробах. Мальчуган лет четырёх с испугом поглядывает на эти лужи, а его дяде, шестнадцатилетнему Гошке, всё нипочём: он будто едет к родным, в гости. Подъезжают к очередной луже, он кричит четырёхлетнему племяннику

– Андрюшка, опять «синее море»!

А тот плачет и причитает

– Кака ты наша жизнь, лешаковая доля, опять «синее море».

Был в том коробу и годовалый ребёнок, Ванюшка. Алёна, мать их, вся почернела от горя. Да не лучше её были все остальные, кроме Гошки. Ему хоть бы что! Всё шутит.

***

Алёна вышла замуж за Николая из очень бедной семьи. С восьми лет жила в няньках у родственников, в деревне Фролы, что стоит на острове. Такое часто практиковалось в деревнях, если семья не могла прокормить детей. А с четырнадцати лет Алёна была в семье уже за старшую: мать её умерла при родах, родив Ромку Парнишка выпал, а матери не стало. Загоревал Гаврила, отец Алёны, но сколько не горюй, а жить надо. Вон их сколько, открытых ртов, надо прокормить и поднять. Так Алёна до своего замужества не видела ни дня, ни ночи. Только и увидела свет, пожив в семье Семёна Андреевича. Правда, работы там было невпроворот, но она с малолетства привыкла работать. Зато не смотришь на кусок хлеба. то ли сегодня съесть, то ли на завтра оставить. Да, недолгой была сытая жизнь. Вот едут и не знают, что завтра будет

На место ссылки приехали только к вечеру следующего дня. К ночи похолодало. В бараке не жарко, в окошках нет стёкол. Мужики взялись затыкать дыры, заготовливать дрова. Затопили печку Немного стало жильём пахнуть, кое-как переночевали. Взрослые

Алёна (в центре) с невесткой, сыновьями и внуками. 1950-е

Три года прошли не как один день. У Николая с Алёной родился ещё сын – Валя. Стала семья из шести человек, четверо деток. Ребята росли смиренными, всего боялись. Видать, от взрослых передался страх: клеймо «лишенцы».

Однажды приехал к ним представитель от крестьян ближнего колхоза с приказом. – Вам нужно уезжать отсюда. Земля отводится нашему колхозу

И опять закрался страх в душе, тревога, неизвестность. Снова повезли их, ещё ниже по течению Ангары, через пороги и шивера, до места Косой Бык. Это название дали и будущему посёлку спецпереселенцев. Место в лесу, жилья нет, надо было самим строить. И опять взялись за работу мужики и бабы. Сначала вырыли землянки-временки. Благо, лето, можно там жить до первых заморозков. Строили дом шесть на восемь на две семьи, а в каждой семье одной ребятни по пять-шесть человек. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Жить можно.

Посёлок стал разрастаться: пригнали ещё спецпереселенцев из других мест России и Сибири. Были украинцы, евреи, русские, татары, поляки – собрали почти весь Интернационал. Образовали сельхозартель «Власть Советам». Всем работы не хватало в артели – большинство мужчин ушло в леспромхоз и на транспорт

Тяжело переживали исконные земледельцы, что родную землю им уже не обрабатывать, не сеять, не жать и хлеб не убирать. Собирались по вечерам и вспоминали прежнюю жизнь. Группы собирались по своим деревням, их так и называли: привалихинские, фроловские, савенские, соколовские, усольские, селенгинские, пановские, кежемские и пр. Всех остальных, кто не с Ангары, звали трактовскими, наверное, от слова «тракт».

Андрей Семёнович со старухой Настей и младшими сыновьями жили в одном доме с семьёй сына Василия, перегороденным на две половины, на верхнем краю посёлка Косой Бык. Николая с семьёй, шесть человек, поселили с Андреем Митрофанычем Быковым.

Алёна работала в сельхозартели, а Николай ходил на илимках по Ангаре: вывозили из района в город пшеницу, мясо, рыбу, а привозили разные продукты, промтовары. Работал он вместе с братом Василием и младшим братом Гошей, которому в то время было девятнадцать лет. Работали почти без отдыха, приезжали домой ненадолго и опять уходили в рейс.

В то время не было ни катеров, ни теплоходов. Тянули илимки по-бурлацки, бечевою: идут по берегу человек десять, у каждого – ляпка на плече, и тащат, как тягловые лошади, выдыхаясь изо всех сил. А питались в те времена не ахти как.

не спали совсем, а ребятишек закутали во всё, что было из тряпья.

Утром колхозники, привозившие семью, стали собираться домой. Все высыпали на улицу. Страшно было смотреть на лица оставшихся. До сих пор их связывали с прежней жизнью лошади, на которых их привезли сюда. Они были им родными. И вот их уводят!

Как жили все эти три года на новом месте, знают только они. Бывало всё: и хорошее, и плохое, плохого, правда, больше. Забывались в работе. Прикопали к огороду ещё делянки, садили там картошку, овощи. Хлебом снабжал ОРС: привозили раз в неделю. Стали привыкать и обживаться здесь. Человек, если он не лентяй да здоровый, везде проживёт.

Вот и случилась беда. Позарились братья на государственное добро: взяли по ведру испорченной пшеницы, промокшей на барже. Кто-то увидел это дело и донёс на них.

Старшим братьям, Николаю и Василию, дали по десять лет, а Гоше – шесть лет. Нашлись «добрые люди», посоветовали Гоше писать кассацию. Так, мол, и так, виноваты во всём старшие братья, я тут ни при чём. Внял Гоша советчикам, написали ему кассацию, приходит пересуд: сравняли срок с братьями до десяти лет. Увезли троих сыновей Настасьи и Семёна Андреевича отбывать срок в 1934 году.

***

И началась горемычная жизнь женщин – «соломенных вдов». Ефросинья, жена Василия, осталась одна без мужа с пятью детьми, и у Алёны, жены Николая, четверо на руках. Вскорости Алёну с малыми ребятами выгнали из той половины, где они жили. Весь дом занял сосед Андрей Митрофаныч, глазом не моргнул, не пожалел детей малых. Жаловаться некому: кто смел, тот и всё съел.

О том времени много лет спустя написал один из её сыновей, Андрей Заборцев, пусть и не совершенное, но выстраданное душой стихотворение:

Село над быстрою рекою,
Куда сослали мать, отца.
Да, трудно было нам порою –
Лишеньям не было конца.
Отцу грозила смерть, тюрьма
За чашечку ржаного колоса,
А мать осталась с четырьмя,
И в 30 лет – седые волосы.
Что прожила, перетерпела,
Так хватит горя на двоих.
Сказать в артели слов не смела,
Потоки слёз без выходных.
Без выходных и на работе,
И дома некому помочь.
В те годы ты была в заботе,
Не хватит дня – прихватишь ночь.
Чтоб прокормить детей ораву,
Своих силёнок не жалела.
Тебе бы орден дать по праву,
Да разве в ордене суть дела.
Мне горько, трудно вспоминать,
Как ты ходила на подёнку
Так извини, родная мать,
Что мы кричим тебе вдогонку
Просили есть, разинув рты,
И, плача горькими слезами,
Но на работу торопилась ты.
Дамоклов меч висел над нами.

После выселения Алёны из своего дома поселили её с детьми в половине другого дома. Жили, как могли. Дети подрастали. Старшая дочь Александра помогала по дому, училась в школе. Второй сын, Андрюшка, который при переселении кричал: «Лешакова ты наша

жизнь!», – тоже учился. Учился хорошо, хоть и недоедали. Алёна, как могла, тянула лямку жизни. Как бы трудно ни было, ни одного ребёнка не сунула куда-нибудь с глаз долой. Всех поднимала, учила.

Выгнали из дому и во второй раз. На этот раз за неуплату жилья: не было денег, чтоб заплатить. Переезжать было легко, так как из вещей были только подушки да одеяла. Собрала своих детей, как курица цыплят, и отправилась к председателю артели Толстоброву проситься в казённое жильё. Хоть и кулаки они были, но советская власть не оставила семью под открытым небом. Дали комнату в огромном бараке, где в одном крыле – четыре квартиры, в другом – столько же, а середина барака была отдана под интернат.

В то время посёлок Косой Бык был культурным центром в районе. Была школа-семилетка, выстроен новый клуб вместо старого Нардома, новая больница, баня. Другие семьи, где были мужики, жить стали лучше. Повеселела жизнь в посёлке. По воскресеньям молодёжь устраивала игры, гулянья. Жизнь брала своё. В клубе показывали первое немое кино. Народ валил в клуб, всем хотелось посмотреть на чудо: на стене двигались люди, как в жизни. Ребятына тринадцати-четырнадцати лет просили киномеханика покрутить динамо, лишь бы увидеть хоть малые отрывки.

В 1937 году с Косого Быка забрали мужиков и повезли их в Архангельскую область железную дорогу строить. Рассказывают, баржа, на которой их везли, затонула в Енисейске. Спасся только один.

*Ефросинья с невесткой и внучкой Любой.
Г Пермь. Начало 1970-х*

Алёна и Ефросинья работали в бане водовозами и банщицами. Каторжная была работа. Зимой, все обледенелые, возили воду на лошади с Ангары, из проруби. Надо было начерпать оттуда воды в бочку, подняться в гору, привезти в баню и снова вычерпать в кадки. Пятница и суббота были банные дни. В остальные дни недели работали в поле летом, а зимой было труднее с работой. То коноплю мяли, сучили из неё верёвки. Весной, как только сошел снег, женскими бригадами корчевали пни, вырубали лес под новые поля. Первое время на этих полях нельзя было пустить сеялку – пенёк на пенёк, поэтому сеяли вручную. Да и по посёлку идёшь по улице, расквасишь нос, если заглядишься на небо. Так и случилось с одним из детей Алёны – Ванюшкой. Пошёл он тогда в первый класс, в год 1936-й. Проходил неделю, да нелёгкая понесла его в школу другой улицей. Завернул головёнку наверх и бряк об землю. Прибежал домой весь в крови. Обмыли, успокоили. Однако упрямец не пошёл больше в школу, хоть убей. Наталья Николаевна, учительница его, домой приходила. Не помогло. Отступились. На следующий год пошёл опять в первый класс.

Вот так и жила Алёна, маялась. Подрастали ребята. Дочь Шура и старший сын Андрей помогали летом в артели. Муж Николай изредка писал письма из заключения. Выучился там грамоте. Был он в городе Свободном, где-то за Читой. Сообщал, что раз даже был в Красноярске, сопровождал грузы, стало быть, был бесконвойным.

В 1938 году, в мае, Николая досрочно освободили за хорошую работу. Пробыл он в заключении 4 года. А родной брат его, Василий, остался навеки в Красноярской тюрьме. Как говорили, проколол он там ногу ржавым гвоздём, пошло заражение – и конец. Другой, младший брат Гоша, отсидел десять лет на Колыме, от звонка до звонка. Не заезжая домой, два года пробыл на фронте. Прибыл в родные края в тридцать два года и без зубов – все потерял в колымских лагерях.

После освобождения Николай вернулся на Косой Бык. Добирался домой пешком из Тайшета, по царскому тракту. Алёна по возвращении мужа как будто скинула десяток лет – есть теперь кому заступиться, и у самой сил прибавилось. Семья стала жить намного лучше. Николай не остался в артели, а пошёл работать в леспромхоз. Его ценили за золотые руки. Работник он был – дай Бог каждому – по плотницкому ли делу, печь ли сложить, научился за те четыре года перелистывать книги и грамотёшкой по тем временам не был скуден. Как-то Андрейка, старший сын, выполнял уроки по арифметике. Задача из пункта А в пункт Б не давалась решению, да и на самом деле она была какая-то заковыристая. Бился он долго над ней. Отец отдыхал после бани.

– Что, Андрюшка, не получается? Ну-ка, прочитай, прочитай.
 Андрей думает где уж тебе. Отец задумался и через какое-то время говорит ответ правильный. Недюжинные способности были в этой голове, которая не кончила ни одного класса.

***

Через некоторое время семья нашла подходящее жильё, и до самой войны зажили не хуже других. В Алёниной жизни мало было лёгких дней, проблеснут, как заря, и потухнут. Сейчас, когда семья стала жить нормально, что-то сосало под ложечкой, болело сердце, предчувствуя беду. Вроде и не было причин для беспокойства, однако тревожно было на душе. Старшая дочь Шура окончила десять классов и стала работать учительницей младших классов в глухой деревушке. Вроде пристроена, а материнское сердце обо всех болит. Николай Семёнович приезжал к семье раз в неделю, по воскресеньям, а потом его перевели дальше от посёлка, и стал бывать ещё реже.

В сорок первом году, в конце февраля, родился заскрёбыш, назвали Василием. А в июне началась война. До войны молодых парней из посёлка спецпереселенцев не брали в армию как неблагонадёжных кулаков. А в 41-м и 42-м подчистили так, что до сорока пяти лет мужика и не увидишь. Николая Семёновича в армию не взяли по брони как кадрового рабочего, было ему в то время сорок шесть лет. Всё реже и реже стал приезжать он домой, объясняя загруженностью работой. Да, в то нелёгкое для страны время так и было: «Всё для фронта. Всё для победы». Долго тянулись эти четыре года. Казалось, не меньше десяти лет длилась война, хоть и был глубокий тыл, не рвались снаряды там, однако все жили только надеждой победы над врагом.

Первые похоронки пришли уже в 41-м году. Младший сын Андрея Семёновича, Артемий, ушёл на войну в 1941 году и как в воду канул, а было ему от роду двадцать лет. Был ещё сын Фёдор, тот пошёл по учёной части. Ещё до раскулачивания выучился Фёдор на учителя и работал долгие годы, до выхода на пенсию, в Канске. Война не обошла стороной и его: служил на фронте офицером. Гаврила, который уехал до раскулачивания в Туру, пришёл с войны без ноги, весь израненный, контуженный. Не было в эту войну семьи, не потерявшей своих близких и родных.

Сердце-вещун оправдал долгую тревогу Алёны. В 1943 году забрали в трудовую армию семнадцатилетнего сына Андрея. Ночью, зимой, как заключённых, собрали ребят и повезли за тысячу километров на лошадях в Подтёсово. Там был затон на реке, и заставили их отдалбливать пароходы ото льда. А летом, исхудалые, измождённые

от непосильного труда, от жестокого отношения начальства, он с двоюродным братом Иваном, отец которого скончался в тюрьме, сбежали домой. Все тысячу километров они шли пешком: где по тайге, где берегом реки. Местами были выставлены посты для поимки беглецов, некоторых из них вернули обратно, кто знает, как сложилась их судьба. «Счастливики» добрались до дома чуть живые.

Неоправданная жестокость по отношению к молодым, пусть от начальства или старших в армии, никогда не приносила добрых результатов. И не надо списывать на войну. Если бы к молодым, семнадцатилетним ребятам, начальство относилось бы по-отечески, никто бы не побежал.

***

Трудные годы войны оставили отпечаток на жителях посёлка. После войны уже не было ни праздников, ни игр, ни гуляний, как прежде до войны. Да и некому было гулять. Молодые, кто ушли на войну, немногие вернулись с неё.

Трудно было, но тянулись ребяташки к знаниям. Андрюша закончил десять классов в районном селе Кежме, откуда был сослан с семьёй как кулак. Эти три года в Кежме достались ему трудно. Прирабатывал, где можно, по хозяйству: дрова колот, огород копал. Андрей окончил десять классов круглым отличником, тянул на золотую медаль. Однако в медали отказали – сын кулака.

За тридцать километров от Кежмы, на левом берегу Ангары, приютилась деревня Аксёново. В эту деревню и отдали замуж дочь Семёна Андреевича Матрёну за Степана. Хотя и не было в их семье лишнего, но тётка Матрёна подкармливала племянника Андрюшку. Окончив десять классов, решил он учиться дальше: подал заявление в Томский институт, где проучился учебный год. На лето приехал домой. Мать родная не узнала его: до того был худ – одна кожа да кости. Стал учительствовать, сорвалось его учение. Женился. Появился сын Вовка.

В семье Алёны что-то раскололось. Николай стал всё реже и реже приезжать домой. Стали «добрые» люди Алёне передавать, что есть у него какая-то женщина на стороне. Не верила Алёна, надеялась на лучшее. Но в 47-м году, в марте, плюнула на всё и сказала младшим ребяташкам: «Поехали к отцу!». Думала, что дети остепенят его. Про себя же говорила. был бы молодой, а то ведь под пятьдесят! Молодым не ходил на сторону, так сейчас решил наверстать.

Собрались в путь. Корова, кормилица и поилица, была за лошадь. Запрягли её, в санки поклажу погрузили да семилетнего поскрёбыша Васятку и поехали. Шестьдесят километров протащились за два дня. Николай проживал в заезжем доме, но ночевал там редко: присушила его одна вдова, у неё проводил свободное от работы время. Заезжий дом встретил тишиной: ни скрипнут ворота, ни собака не залает

– Здесь Николай Семёнович проживает?

– Да. Числится здесь.

И поведала сердобольная дежурная по дому, что к чему. Переменилась Алёна в лице. Загорелись глаза диким гневом.

– Не скажешь, где квартирует?

Дежурная поспешила объяснить, как найти нужный дом.

Оставила Алёна младших на попечение сторожихи, а сама с Иваном отправилась искать правду-матку. Откуда силы появились, как будто и не шли они в этот день тридцать километров по морозу! Им бы после такого перехода в тепле прикорнуть, отогреться да отдохнуть от усталости. Нет, надо узнать всё до конца, испытать всю чашу горя.

Нашли дом. Постучали.

– Входите.

Как увидел Николай Семёнович жену и сына, словно остолбенел.

– Вы откуда здесь?

– А всё оттуда. Ты-то что тут делаешь?

Как разошлась Алёна, загнала мужика на печь. Поднялся тут крик. Одна кричит:

– Как тебе не стыдно бросать семью?!

Другая:

– Николай, что это такое?

А как увидела разлучница у парня нож в кармане, заревела лихим матом:

– Беги, вызывай милицию! У парня нож!

Да какая тут милиция поможет, самим надо разбираться, надо бы сына припугнуть.

– Да, Ванюшка, достойны мы этого, – вымолвил отец.

И присмирел парень, обмяк, обошлось без поножовщины.

Переночевали уже все в заезжем доме. Назавтра сходила Алёна к начальству Нет, не жаловаться на Николая, просила работу для себя и детей, которые постарше. Так и устроилась она на месяц, в четырёх километрах от деревни, в коровник.

***

В ту весну 47-го года ледоход начался рано. Отпраздновали Первомай, как могли, а со второго на третье мая, утром рано, ещё затемно, кто-то вышел по нужде, открыл дверь и угодил в Ангару Подошла Ангара к самому порогу и стала заливать первые ступеньки. Раздались крики: «Вставайте! Потоп!». Соскочили люди с постелей, заспанные, не знают, за что хвататься. Однако мало-помалу пришли в себя и взялись выносить из барака свои пожитки. Шестнадцать дней уровень воды на Ангаре стоял высокий. Бараки, штабеля леса плавали на воде. Как могли, запеленговали их тросами, чтобы не унесло по реке. Шестнадцать дней жили взрослые и дети под открытым небом. А май в Сибири в ночные часы не такой, как на юге: частенько просыпались с инеем на ресницах.

Прилетали самолёты бомбить Ангару Образовался затор изо льда и перегородил реку, как плотина. Шестнадцать дней измученные люди работали в ледяной воде до изнеможения, чтобы сберечь заготовленный за зиму лес, – тысячи кубометров первосортной ангарской сосны. Сохранили. Ни одного бревна не унесло дикой водой. Наконец, река вошла в своё русло. Освободилась Ангара ото льда. Засобиралась Алёна с детьми на Косой Бык. Что раскололось – не склеишь.

В ледоход Иван с братом Валентином переняли лодчонку и отремонтировали, как могли. Валька убежал пешком домой. А Алёна, Иван да маленький годовалый Вася и с ними «Дочка» (корова) опять поехали «Сибирь качать». В лодке – мать на корме, с маленьким сыном. Не дай Бог выпасти за борт! Ванюшка с коровой по берегу бечевою тянут Золото, не корова. Она и за лошадь, и за бурлака.

Глухую шиверу подняли с трудом. Всё вытащили из лодки, братишку и корову оставили на берегу, а мать с Иваном, из последних сил, боролись с течением реки, тащили лодку Подняли шиверу, погрузились – и снова в путь. Сказала мать сыну: «Нет у вас больше отца».

***

На новый учебный год Андрея перевели работать в Савино. Зимой переехали к нему остальные члены семьи. Деревня Савино и все верховые деревни Кежемского района стояли на островах. Берега матёры не были приспособлены для жилья. Первые переселенцы, облюбовав эти места, на них и поселились. Ловили рыбу, а это – главное питание ангарского жителя. Про них и поговорка была: ангарский мужик любит рыбку душну да кашку жирну

Сын Андрей и его жена учительствовали, Иван работал в савинском колхозе, Валентин зимой учился, летом подрабатывал, а младший Вася уже кое-чем помогал. Алёна устроилась

уборщицей в школе. Зажили. Старший сын Андрей – Николаевич теперь. А как же его называть? Учитель! Пристрастился он летом к рыбалке. Стерлядь и всяка другая рыба у него из рук не выскальзывала. Кормили двух свиней, держали корову Кормить есть чем. В ту осень только картошки накопили двести кулей, полное подполье засыпали.

После ненастья всегда приходит ясная погода. Так и в жизни – на одном уровне трудно прожить. Алёна за свою жизнь натерпелась много и, если выдавались добрые времена, радовалась не за себя, а за детей. К старости у неё выработалось такое мнение, что её дети всё делают хорошо и, если где-то не так, виноваты не они, а кто-то другой. Слепая материнская любовь. Но она не повлияла на её детей, не избаловала их, все стали хорошими людьми, простыми тружениками, честно работающими на своих местах.

***

Осенью 1949 года Иван, которому уже было двадцать лет, уехал на лесозаготовки от колхоза в Чекарму Валил лес всю зиму, не выезжая. Весной, выполнив план работы, получил расчёт, убежал пешком за сотни километров домой с заработанными деньгами в кармане. В Кежме остановился в семье Василия Семёновича, где жили тётка Ефросинья, вдова родного дядюшки, младший их сын Шурка и Иван, которым было девятнадцать и двадцать три года. Все взрослые парни, при встрече у них и в мыслях не было купить что-то из спиртного. Иван купил на свои деньги тушёнку «Великая китайская стена», и этим отпраздновали встречу.

Другой раз смотришь: идёт сейчас какой-нибудь сопляк пьяным, не заработавший сам ни копейки, да ещё куражится. Его бы туда, в лес, от темна до темна поперечной пилой помахать! Другое было время.

В 1947 году всех жителей посёлка Косой Бык, бывших кулаков, признали реабилитированными гражданами страны Советов, и почти все переселенцы поужезжали в родные места. Осиротел посёлок. Впоследствии разобрали строения в дворецком колхозе и рядом стоящем леспромхозе и перевезли к себе, на новые места, а оставшуюся часть пожгли на дрова. Так и закончилась эпопея кулаков. Сейчас на том месте построены новые дома из бруса химвлесхоза, собирающего живицу.

По последнему пути, когда уже забереги водой наполнились, Иван вернулся из Савино в Кежму, устроился в Райрыболовпотребсоюз ходить на илимках. Продержался одну навигацию, а зиму пилил дрова. В марте 1950 года ушёл служить в армию. Проезжал те места, где отец в тридцатых годах отбывал срок за ведро пшеницы. Служить Ивану пришлось ещё дальше, на самом восточном краю нашей родины. Братья и мать ещё год жили в Савино, а потом перебрались в Кежму. Так завершился круг сроком в двадцать лет откуда была изгнана семья, туда и прибилась снова.

Валентин окончил десять классов и поступил в лесотехнический институт, стал инженером. Поработал немного в Енисейске, перебрался в Башкирию и все годы жил там, работая начальником, и дошёл до директора предприятия. Умер 2 мая 2007 года.

Андрей окончил педагогический институт, факультет математики. Всю жизнь посвятил педагогике. Во втором браке было две дочери. Последние годы учительствовал в Свердловске. Умер 20 января 2001 года.

Вася тоже окончил десять классов, дальше учиться не стал. Работал электросварщиком. Имел двух сыновей. Скончался от рака лёгких в 2010 году.

Мать Алёна, когда Иван служил в армии, младшие, Валентин и Вася, были при ней. Её жизнь закончилась в 1981 году.

Иван прослужил три с половиной года и демобилизовался летом 53-го. В то время вся семья жила в Енисейске, туда и приехал он после армии. Проработал летом в транспортном отделе сплавной конторы, к осени уехал в Красноярск учиться на шофёра. Приглянулась ему эта специальность ещё в армии.

***

Вернулся Иван после учёбы в 1954 году в Кежму, с матерью и братом Васей. Выехали из Енисейска первыми катерами, по Ангаре ещё вверх не ходили. Они добирались на перекладных: из Стрелки до Богучан, из Богучан – на катере сплавконторы, которые завозили такелаж в Болтурино. Доехали до Болтурино – и стоп: уехать в Кежму не было никакой возможности. Иван с одним парнем отправились в Кежму пешком по берегу Ангары, а расстояние – сто двадцать четыре километра. Мать с Васей остались ждать попутных катеров. Как добирался Иван, можно было написать отдельный рассказ.

В Кежме жила старшая дочь Алёны Александра, со своей семьёй. В небольшой избушке набилось пять человек: сами, двое детей да ещё отец мужа. Иван первое время пожил у сестры, устроился шофёром на МТС. Здесь он встретил техническую трудность. Дали ему полторку, которую давно уже надо было списать, приходилось ремонтировать её чуть ли не каждый день. Через некоторое время нашёл квартиру у молодой одинокой женщины с ребёнком, а потом Иван с Капой поженились. В 1956 году родился у них сын Лёня. Решили строить дом, старый был уже мал, да и возможность была у Ивана вывезти лес на машине, заготовленный ещё раньше. Стали строиться. Перешли в новый дом в 1960 году

В это время Иван по зимнему пути ездил из Кежмы в Красноярск, возил запчасти для ремонта сельхозмашин. Бывали рейсы, что не выходил из кабины по десять суток. Дорог, как таковых, вовсе не было. А как заметёт метель, пробивались за ночь по два-три километра, не выпуская из рук лопаты. Как только вспомнишь об этом, жуть берёт!

В 1962 году, съездив два рейса в Красноярск, переоборудовал машину под лесовоз и стал возить лес. В один из мартовских дней, в субботу 22 марта, вся его жизнь изменилась после этого злополучного дня. При разгрузке леса с машины был он травмирован: перелом левой ноги, тазовых костей, разрыв уретры. Полгода провалялся в больницах: сначала в местной, кежемской, а после – в краевой и городской № 20, перенёс несколько операций. Выписался из больницы инвалидом. Инвалид второй группы в тридцать три года! Измучилась Капитолина с ним: не проходило ни одной ночи, чтобы не возобновлялись боли, тогда бежала искать лошадь, чтобы увезти скорей в больницу. Мало-помалу здоровье начало восстанавливаться. В 1963 году, в декабре, у них родилась дочь Оля. Через год дали третью группу инвалидности. Стал возить директора на газике.

Летом 64-го года приехали к нему в Кежму двоюродные братья – Александр из Перми и Иван из Свердловска. Стали уговаривать Ивана Николаевича переезжать в город, там, мол, легче жить, ни воды носить, ни дров заготавливать. Сами-то они уехали из Кежмы в 1954 году в Пермь, к их сестре Елизавете. Внесли смуту в душу Ивана. Съездил он в 1964 году в Свердловск, вступил там в жилищный кооператив, а в 1966 году всей семьёй переехали в этот город.

И.Н. Заборцев в период службы в армии. 1952

Родственники в гостях у И.Н. Заборцева. С. Кежма. 1964

Первые года Иван не находил там себе места. Родина есть то место, где родился и воспитывался. Он же родился на реке, вырос на ангарской воде, а теперь, вдалеке от родины, сожалел о прожитых годах: не о тех, что жил в лесу, любовался рекой, а о тех, что прожил в городе, где потерял душевный покой.

Мы не замечаем той красоты, что окружает нас с рождения: вроде, примелькалась, так и должно быть всегда. Думалось Ивану, что жить человек должен там, где родился, где корни его рода.

Только не стало его родины, ушли корни рода под воду, затопило водой с Богучанской ГЭС родные сердцу места

В Екатеринбурге похоронил свою жену Капу, в 2008 году. Остался один в своей кооперативной квартире, где проживает до сих пор, окружённый заботой и вниманием своих детей.

P.S. Пусть эти искренние воспоминания Ивана останутся в сердцах близких ему людей.

В настоящее время Заборцев Иван Николаевич проживает в Екатеринбурге. Его родители: отец – Заборцев Николай Семёнович, 1896 г.р., Заимка, мать – Елена Гавриловна Брюханова (1898-1981). Дети Николая Семёновича: Александра (1924 г.р., Кежма – 19.01.1979, Кежма); Андрей (1926 г.р., Кежма – 20.01.2001, Урал); Иван (13.05.1929, Кежма); Валентин (1933-02.05.2007 Уфа); Василий (1941, февраль, Косой Бык – 2010, Новосибирск). Дед и бабушка: Заборцевы Семён Андреевич (около 1877 г.р., Заимка – умер около 1946 года, Кежма), Анастасия (около 1877 г.р. – около 1952 года, летом, Кежма). Дети Заборцева Семёна Андреевича: Николай (1896 г.р.), Гавриил (1901 г.р.), Василий (1902 г.р.), Фёдор (около 1905 г.р.), Георгий (1914 г.р.), Артемий (1920 г.р.–1941, без вести пропал на войне). Семья Семёна Андреевича имела кличку «Туруханята».

Воспоминания передала Любовь Ивановна Заборцева, двоюродная племянница И.Н. Заборцева.